

ЭКСПЕРИМЕНТ ДЛИНОЮ В СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Cite this: *INEOS OPEN*,
2024, 7 (4–5), 105–109
DOI: 10.32931/io2453r

А. М. Музафаров^{*a,b}

Received 25 November 2024,
Accepted 26 December 2024

^a *Институт элементоорганических соединений им. А. Н. Несмеянова
Российской академии наук, ул. Вавилова, д. 28, стр. 1, г. Москва, 119334 Россия*
^b *Институт синтетических полимерных материалов им. Н. С. Ениколопова
Российской академии наук, ул. Профсоюзная, д. 70, г. Москва, 117393 Россия*

<http://ineosopen.org>

Abstract

Статья является по сути научно-историческим обобщением блестящего научно-организационного эксперимента, спланированного Александром Николаевичем Несмеяновым и осуществленного им совместно с коллективом ИНЭОС РАН. В работе представлен краткий исторический экскурс, мотивация, описание сути научно-организационного эксперимента, обсуждены этапы развития модели и результаты, полученные по ходу его выполнения на протяжении 70-летней истории института.

Key words: металлоорганическая химия, элементоорганические соединения, синтетическая пища.

Введение

За свою научную карьеру Александр Николаевич сделал много важного, незаменимого и уникального. Роль А. Н. в строительстве МГУ, создании ВИНТИ, руководстве Академией наук и создании ИНЭОС РАН неоспорима и зафиксирована в исторических документах.

Но в этот год исторических юбилеев хочется обсудить создание ИНЭОС как реализацию уникального экспериментального проекта. Дух исследователя, который в свое время привел А. Н. в Московский университет, оставался с ним всю жизнь. Он экспериментировал во всем – в химии, в живописи, в поэзии, в жизни. Если в случае других ученых, под которых строили институты, это были скорее производственные объединения со строжайшей дисциплиной и строгой иерархией, то в случае ИНЭОСа – это была попытка построить модель современного института, в котором сочеталась бы академическая иерархическая традиция Академии наук и реалии расцветающей послевоенной социалистической системы, в которой люди уже не винтики, а творцы светлого будущего.

Еще бушуют партийные ветры отрицания вейсманизма, морганизма и прочей кибернетики, а А. Н. думает о будущем Академии наук, о будущем науки. Многие, включая автора, не понимали, зачем, будучи директором Института органической химии, надо было вешать на себя еще и обузу масштабного строительства вместо того, чтобы развивать эту науку в старом маломленном месте. Однако внимательное прочтение воспоминаний А. Н. дает очень простой и очень поучительный ответ на этот вопрос [1].

Будучи директором ИОХа и президентом Академии наук и не являясь непосредственным учеником Зелинского в смысле продолжателя его идей, А. Н. оставил площадку ИОХ именно продолжателям, научным наследникам. С собой он забрал тех, с кем собирался создавать новое направление. Они последовали за ним и сформировали его

очередное детище – «третью химию», продемонстрировав, что, создавая новое, совсем не обязательно оставлять на прежнем месте пепелище. Можно сделать это тактично и ко всеобщей пользе. Совсем не случайно ИОХом руководили именно люди из школы Зелинского, и уже через несколько лет он привычно занял свое место флагмана органической химии в стране. Между институтами сложились отношения доброго соседства, сотрудничества и взаимоуважения.

Несмеянов не стал превращать модельный институт в новый центр Отделения; общие собрания Отделения химических наук АН СССР по-прежнему проводились в ИОХе – хранилище классических устоев академической химической школы. Зато в ИНЭОСе буйствовали новации. Лаборатории физического профиля получили мощный толчок. Рентгеноструктурный анализ, молекулярная спектроскопия и спектроскопия ЯМР, хроматография, элементный анализ – все это было востребовано и активно вошло в повседневную жизнь химических лабораторий. Обильным урожаем отозвались всходы на новом поле, принесся создателю и сеятелю заслуженную мировую славу.

А он между тем продолжал исследовать модель. Институт обобщил мировой опыт и собственные достижения в фундаментальном 19-томном труде «Методы элементоорганической химии», который и по сей день является отправной точкой для любого исследователя, выбравшего карьеру химика-элементоорганика.

Этим изданием А. Н. показал, каким он видит отчет академического института и временной лаг, когда пора подводить итоги. Модель сработала блестяще в реальности – был создан фундамент для развития целого ряда направлений, говоря современным языком, малотоннажной химии, без которой крупнотоннажной приходится очень трудно. Мы это очень хорошо понимаем сейчас, а А. Н. понимал это 70 лет назад.

ИНЭОС постепенно расправлял плечи. Вместе с научной кипела и культурная жизнь. В институте работал

уникальный кинолекторий, в рамках которого показывались шедевры мирового экрана, и, пожалуй, не было ни одной модной знаменитости, которая бы не отметилась на гостеприимной сцене ИНЭОСа того времени.

Но делу время, а потехе час. Еще гремели фанфары в честь успехов института, еще блистали на международных конференциях молодые лидеры новых научных направлений, еще, казалось, только разворачиваются в марше все новые лаборатории и группы, а у одного из самых талантливых визионеров того времени готов был новый проект.

Пересказывать проект «Синтетическая пища» – дело неблагодарное. Лучше, чем это сделал сам А. Н. в своем выступлении на Менделеевском съезде, все равно не получится, поэтому отсылаю вас на сайт ИНЭОСа в его музей, там можно припасть к этому гениальному творению [2], которое просто нужно ввести в программу кандидатского экзамена всех химических институтов РАН. Очень коротко суть идеи А. Н. заключалась в получении синтетическим путем важнейших аминокислот, на их основе можно создать простейшие последовательности, сами по себе не имеющие значения, но служащие средством доставки необходимого питания к органам пищеварения. Нейтральной и безопасной матрице надо придать нужный аромат и вкусовые оттенки. Вот отсюда и пошли деликатесные формы – от черной и красной икры до подольской колбасы и прочих мармеладов.

А. Н. отчетливо сознавал, что не увидит результатов этого проекта, и понимал, что работу будут бросать и вновь возвращаться к ней. Как всегда, он оказался прав. Проект забуксовал на самой ранней стадии – на искусственной пище. Страна хотела получить отдачу как можно скорее. С продуктами была беда, за колбасой ездили в Москву. Несмеянов с сотрудниками отдела синтетической пищи слишком переусердствовали с демонстрацией готовых форм. И вот тут уж наши прикладная наука и министерства не оплошали. Масштабы производства росли и было не до аминокислот. Всего за несколько лет производство колбасы с 30-процентной добавкой эмульсии, разработанной в ИНЭОС, выросло до 100 тысяч тонн в год [3].

И снова все делалось, не разрушая. К ИНЭОСу очень органично пристроили корпус синтетической пищи, постепенно стал формироваться коллектив последователей, развернувших исследования широким фронтом – от термодинамических аспектов функциональности белков и процессов приготовления пищи до аминокислот с природной энантиомерной чистотой. Вокруг этих главных направлений развивались смежные процессы селективного катализа, хроматографического анализа, теории запаха и вкуса. На пределе возможностей работали физические методы исследования. Постепенно этим направлением стала интересоваться научная общественность зарубежом. И не оборвись так не вовремя жизнь А. Н., мировая наука получила бы «Методы синтетической пищи».

В готовящейся к выпуску к 125-летию Александра Николаевича и 300-летию РАН книге «Неизвестный Несмеянов», посвященной 10 годам его президентства в Академии наук, есть отдельная глава о гениальности А. Н. Можно ли поставить его в один ряд с Ломоносовым и Менделеевым, с Вернадским и Циолковским? Каждый из них, безусловно, гениален, но гениален по-своему. Мнения разделились. Современники, люди, работавшие с ним

рядом, в основном, уклонились от обсуждения этой темы, а люди, пришедшие в науку десятилетиями позже, безусловно поставили его в этот ряд. Где заканчивается талант и начинается гениальность? А. Н. был очень одаренным и прекрасно образованным человеком и сам себя к гениям не относил, но, когда видишь актуальность его идей спустя десятилетия, мысли о гениальности А. Н. напрашиваются сами.

Главная заслуга последующих директоров заключалась, пожалуй, в том, что институт сохранился среди лидеров Отделения по публикационной активности, и в том, что все они признавали величие отца-основателя и не пытались поставить институт на новые рельсы, ограничив свои нововведения некоторыми дополнениями, добавив к профилю института, косметические изменения. Так, при академике А. В. Фокине новыми красками заиграли исследования биологически активных соединений. В это время в институте были созданы два научных коллектива: группа В. Н. Калинина и лаборатория Фокина, главную скрипку в которой сыграл А. Ф. Коломиец. Обе стали заметным явлением в жизни института и достаточно быстро решили поставленные перед ними задачи. Переквалифицировавшись в короткие сроки из бороргаников в фармацевты, сотрудники группы Калинина создали целый ряд вариаций обезболивающих препаратов, не уступавших мировым аналогам.

Ярким пятном в палитре научных направлений института стала лаборатория Фокина. Запомнились выступления Коломийца по проблеме диоксинов – примесей к штатным дефолиантам, опасность которых во много раз превышала эффекты от использования основного вещества. Советские ученые в этот период оказали большую помощь вьетнамским коллегам в выявлении и оценке огромного ущерба, нанесенного американской военной машиной из-за безрассудной дефолиации джунглей печально известным «Эйджент оранж». Размеры компенсаций с американской стороны заметно выросли по мере увеличения доказательной базы, собранной вьетнамскими учеными. В целом же Александр Васильевич действовал в ИНЭОСе, жестко придерживаясь принципа «не навреди», поскольку хорошо понимал величие своего предшественника, которого знал лично и очень уважал.

Экспериментальная часть

А. Н. создана экспериментальная модель академического института химического профиля и прослежены различные этапы ее развития и модификации. Основная цель эксперимента заключалась в поиске формы современного академического НИИ, которая отвечала бы требованиям времени, являлась бы конкурентоспособной по отношению к ведущим мировым центрам, была бы способна к плавной перестройке, смене ориентиров. Важнейшим элементом научного поиска являлась форма отчетности о проделанной работе, которая бы делала основные достижения института достоянием мировой науки и в то же время была бы свободна от бюрократической отчетности и формализма.

А. Н. преобразовал планы научных исследований АН СССР в программу фундаментальных исследований, которая имела иную временную шкалу и позволяла вносить изменения по мере необходимости.

А. Н. преобразовал работу научных советов в инструменты взаимодействия академической науки с вузовской и прикладными институтами, превратив науку страны в единый научно-технический комплекс.

А. Н. осуществлял командный стиль руководства академией, что резко повысило эффективность управления и создало преемственность при смене руководства Академией.

Беда пришла откуда не ждали. На демократической волне, захлестнувшей страну, начались выборы всего и вся. Не миновала чаша сия и Академию. В ИНЭОСе в 1988 году состоялись выборы директора. В соревновании видного металлоорганика академика Марка Ефимовича Вольпина и молодого доктора наук заведующего лабораторией сорбционных процессов и одной из ключевых фигур «пищевого» направления Вадима Александровича Даванкова победу одержал «пищевой» кандидат, что обещало сохранение доминанты исследований института в этом направлении. Третий кандидат – профессор Владимир Александрович Сергеев, оказался, по сути, в этом принципиальном споре третьим лишним несмотря на то, что пользовался большим уважением в институте. Но полюсов в этом споре было только два.

В то время профильные Отделения имели последнее слово при назначении директоров в «своих» институтах. И наше Отделение общей и технической химии утвердило директором не В. А. Даванкова, а академика М. Е. Вольпина. Понимали ли члены Отделения, между кем и чем они выбирают, сказать трудно. Скорее всего, верх взяла цеховая солидарность и здоровый консерватизм – академическим институтом должен руководить академик.

Марк Ефимович был первым из директоров перестроечного периода, когда изменения сыпались одно за другим. Что делать с набравшим высокие обороты новым направлением? За выгодную тему стали бороться целый ряд предприятий и институтов. То есть выбор был между плохим и очень плохим. То ли разместить в институте прикладной институт, развивающий направление готовых пищевых форм – искусственной пищи, то ли отдать эту тематику на растерзание прикладникам.

Проект «Синтетическая пища» пришлось закрыть. М. Е. волевым решением вернул институт в старое наезженное элементоорганическое русло. «Пищевики» оказались в роли коней на переправе, которых, вопреки поговорке, стали менять, и они разъехались и разбрелись по городам и весям. Обратный переход был проделан умело, без лишних причитаний и сожалений. Коллектив оценил эти усилия, как говорят ветераны: «Вольпина в институте любили».

На освободившиеся площади расселили особо страдающих и ютившихся до этого в тесноте. С приходом в институт академика Алексея Ремовича Хохлова заметно оживилась жизнь полимерного отдела. Еще сверкала парадоксальными открытиями лаборатория рентгеноструктурных исследований. Эта пара долгое время обеспечивала традиционно высокую публикационную и конференционную активность ИНЭОС. Еще успели прогнать пара металлоорганических уже Вольпинских конференций, а затем институт начал медленно закипать. Уход из науки многих видных ученых «Несмеяновского призыва» не мог не сказаться на научной жизни. Медленно угасала жизнь в корпусе модельных установок, штатное расписание института усыхало как шагреньевая кожа.

А что же с последним увлечением А. Н., все пропало? Конечно, нет. Самая большая часть «пищевиков» нашла приют во вновь созданном Институте биохимической физики РАН в виде большого отдела из восьми лабораторий. Отдел существует и в настоящее время, а на сайте института сказано много слов в адрес А. Н. и его гениальной идеи. Если ознакомиться с профилем отдела, становится ясным, что, по существу, в нем сосредоточена та часть большого коллектива, которая сконцентрировала свое внимание на искусственной пище, первой фазе Несмеяновского проекта – его демонстрационной и убеждающей части.

Но главная, синтетическая, составляющая проекта жива и по сей день активно работает в ИНЭОСе. Беликовский костяк (именно профессор В. М. Беликов был мотором в этой части проекта), находившийся в тени черной икры, тысяч тонн колбасы, мармеладов и прочих зримых достижений добился поразительных успехов в асимметрическом синтезе, который известен миру как метод получения аминокислот по Ю. Н. Белоконову. Заслуга Юрия Николаевича не исчерпывается этим важнейшим для синтетической пищи достижением, вокруг него сложился коллектив, который понимал значение этих работ, продолжал их развивать и готовить учеников. Так что гены великого проекта в ИНЭОСе есть. Осталось использовать их по прямому назначению.

В 1996 году наступил черед академика Юрия Николаевича Бубнова вести институт к новым вершинам. Плохая ему досталась доля. На дворе лихие 90-е, наука в полном загоне, в правительстве Виктор Степанович Черномырдин – хочет как лучше, получается не очень. В ИНЭОСе большая текучка кадров, разбегается поколение. Взяться за институт в такое время не каждому по плечу. Марк Ефимович «дожал» Юрия Николаевича аргументом «Если не ты, то кто?». Толпы претендентов на директорский пост не было. Юрий Николаевич не мог отказать внезапно и тяжело заболевшему коллеге.

Юрий Николаевич не делал резких движений, богатый жизненный опыт позволял ему лавировать в бурном океане тех событий, когда менялись премьеры и президенты. Когда голосовали сердцем и встречали дефолт. Поддерживал все, что «шевелилось», приглашал активных варягов (О. А. Федорову, Я. З. Волошина, А. М. Музафарова), поддерживал академические и международные контакты и запомнился как самый демократичный из директоров, открытый и доступный для обсуждения. Институт полностью перешел на грантовый вариант ведения научных исследований. О продолжении системных исследований в качестве генеральной линии, объединяющей коллектив, даже подумать было некогда. Но институт продолжал быть наплаву, просто вместо глобальных задач переключился на грантовое мелкотемье. 50-летие института праздновали еще с прежним запалом, а 60-летие уже совсем скромно, понимая, что к былым достижениям добавить что-то яркое, визионерское, сопоставимое по значимости с достижениями Несмеяновских времен не получится за неимением. В это время руководить институтом было доверено мне.

Для объективной оценки этих пяти лет нужен кто-то другой и, наверное, не сейчас, поэтому я только кратко коснусь задач и решений, которые удалось реализовать в этот период. Прежде всего необходимо было восстановить управляемость институтом. Пришлось ликвидировать две

структурные единицы, одна из которых открыто игнорировала формальную составляющую отчетности научного подразделения, паразитируя на профсоюзных должностях своего лидера; вторая пошла существенно дальше, в открытую занявшись коммерцией в стенах института, нарушая все этические и юридические регламенты его деятельности. Была формализована административная структура Несмеяновских времен – выделение в составе института профильных отделов во главе с руководителями в статусе заместителей директора. И, пожалуй, главное – было осуществлено немедленное преобразование конкурса на лучшую исследовательскую работу в открытый конкурс «ИНЭОС OPEN CUP» с опубликованием конкурсных работ в одноименном журнале, созданном в качестве независимого средства массовой информации. В жюри конкурса и редакционной коллегии журнала были широко представлены ученые из различных научных центров. Все это позволило коллективу внимательно посмотреть на себя со стороны и оценить уровень конкурентоспособности представленных работ не глазами узкопрофильных представителей фондов, а глазами независимых экспертов, в сравнении с достижениями своих коллег из других научных центров. Плавное сползание института с сияющих вершин было остановлено.

Как известно, бодливой корове бог рогов не дает, время, отпущенное на директорство, пролетело быстро, и не все задуманные перемены удалось осуществить. Зато с кандидатурой преемника проблем не было. Александра Анатольевича Трифонова в качестве кандидатуры на директорский мостик ИНЭОСа присмотрел Юрий Николаевич, еще будучи на посту директора. У меня против представителя одной из ведущих мировых металлургических школ, разумеется возражений не было. Поэтому, недолго думая, мы отправились в гости к академику Г. А. Абакумову, чтобы со всем уважением и пиететом заполучить согласие на переезд. Все прошло полюбовно, и ко всеобщему согласию, теперь я могу сказать по-несмеяновски.

Александр Анатольевич уверенно победил на выборах, и в институте образовался «совет директоров» – так мы в шутку называли наш «кофе по вторникам» на первых порах. В институте считалось, что мы «учим его жить»; на самом деле мы просто подбадривали его и старались вселить уверенность в своих силах. Единственная личная просьба была с моей стороны – сохранить структуру отделов, конкурс и журнал на ближайшие два года, до тех пор, пока не сложится собственный взгляд на институт, пути его развития.

Как и всем постсоветским директорам ИНЭОСа, Александру Анатольевичу пришлось держать удар не меньше, а больше прежнего. Едва он успел сформировать свой Ученый совет и Совет старейшин ИНЭОС РАН, как началась пандемия со всеми вытекающими организационными и административными ограничениями. Дальше – больше: мероприятия по частичной мобилизации, четкая и последовательная работа администрации по поддержке молодых ученых, серьезная разъяснительная работа – все эти меры позволили институту сохранить молодежные кадры и даже усилить отдачу института по числу научных публикаций.

Ко своему второму сроку Александр Анатольевич подошел уже в ранге члена-корреспондента РАН с

обновленным составом заместителей директора, полный решимости использовать выданный кредит доверия трудового коллектива для дальнейшего укрепления и развития статуса ИНЭОС РАН как института, открытого новым экспериментальным поиском, ориентированного на фундаментальные исследования в несмеяновском понимании этого термина.

Что такое ИНЭОС сейчас? Живой и активно развивающийся институт. С амбициозным директором, активной молодежью и все еще мощным ветеранским корпусом. Институт переживает очередную смену поколений и встречает семидесятилетие яркими достижениями, достойными быть поставленными рядом с открытиями великих предшественников. Об этом подробно в конференционных выпусках журнала «ИНЭОС OPEN». Сам журнал, медленно набирающий обороты, это примета обновления и возвращения к истокам одновременно. Институт продолжает быть экспериментальным, конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу, превращенный в открытый и состязательный «ИНЭОС OPEN CUP», показал себя генератором новых лиц, новых идей, новых традиций. После бурного взлета он затих на период карантина и юбилейных торжеств, но вот-вот снова засверкает новыми гранями и задумками, сконцентрировавшись на прорывных направлениях научного поиска и новых механизмах взаимодействия с инновационным бизнесом страны.

А что же мы припасем к 125-летию отца-основателя, мудрого визионера Александра Николаевича? Наверное, лучшим подарком станет возвращение к его неоконченной песне – синтетической пище на новом витке эволюции этой красивой и бесконечной идеи. Если вернуться к знаменитой метафоре А. Н. о синтетической пище как о мощном дереве, уходящим ветвями высоко в небо, то можно сказать, что плодов ждать было долго, дерево это спилили и очень выгодно утилизировали. Многие ветви в виде искусственной пищи, биотехнологий, микробиологических производств и т. д. зажили своей собственной жизнью. Но могучий корень остался и новый проросток выглядывает из-под развалин величественного строения, возведенного вокруг. Этот проросток – синтетическая пища, освобожденная от дважды искусственных образований, может продолжить свое, свободное от вынужденно конъюнктурного взаимодействия, развитие и вернуться в одно из самых актуальных направлений современной химии.

Собственно, именно об этом вслед за Менделеевым говорил А. Н. Возрождение и поддержка этого направления в институте будет лучшим подарком к очередной исторической дате. Сделать это надо не спеша, но уверенно и последовательно, по-несмеяновски. В ближайшие пять лет довести это направление до уровня темы в госзадании института, а к окончанию 10-летнего срока эта тема должна занять видное место в программе фундаментальных исследований и не только в химии, но и в смежных профильных отделениях: экономике, медицины, биологии, наук о земле. Да, вот таким широким фронтом надо решать эту проблему, именно в силу ее глобального характера. И первый шаг уже сделан. В ходе юбилейной конференции прозвучал пленарный доклад молодого д. х. н. В. А. Ларионова на эту тему [4]. К сожалению для сотрудников это было на сессии, которая проходила в МГУ. Но мы

предполагаем, что расширенная версия доклада прозвучит в программе Несмеяновских дней в январе будущего года и станет предметом всестороннего обсуждения Ученого совета института, Совета молодых ученых, а возможно и Несмеяновского семинара. Это нужно для того, чтобы мы примерились и подумали: «а что я могу внести в это направление?», и, я надеюсь, движение в правильном направлении начнется, и в нем практически каждому найдется точка приложения.

Заключение

Юбилейные торжества заставляют нас еще и еще раз возвращаться к исторической личности отца-основателя нашего института, снова и снова переосмысливать его творческий и жизненный путь и учиться у него умению проводить преобразования и реформы мягко, но настойчиво, не спеша, но результативно, убеждением, но не кнутом и не пряником, а раскрытием перспективы. Совершенно не случайно в этой юбилейный год заработал у нас в институте Несмеяновский семинар, на котором мы пытаемся не разобраться с тем, что он сделал, а понять, как он это делал.

Его наследие бесконечно. Только приблизившись к пониманию того, как и на каких принципах был создан наш институт, мы сталкиваемся с тем, что это только мелкий штрих в последовательном преобразований системы АН СССР. А эта система явилась гибким, но прочным скелетом управления наукой страны и всего, как мы тогда говорили, прогрессивного человечества, подразумевая науку в социалистических странах. В порядке рекламы хочу здесь отметить, что в юбилейной книге мы нашли прямые доказательства гениальности А. Н. и уникальности его научно-организационной деятельности. На конкретном примере решения глобальных проблем мы каждый день убеждаемся в неспособности решить ни одну из них без участия нашей Академии. Самоубийственная санкционная политика Запада, в том числе в области науки, привела к тому, что, успешно оседлав мировой научно-информационный процесс, они ведут его от одного провала к другому, продолжая при этом делать деньги и превратив науку в сферу производства прибыли. В то время как РАН при минимальных объемах финансирования находит пути решения глобальных проблем и консолидирует независимую часть научного потока на решении именно самых животрепещущих проблем современности.

Самый свежий пример торжества Несмеяновского фундаментального подхода к управлению наукой прозвучал на завершившемся общем собрании РАН. В течение 20 минут академик Георгий Николаевич Рыкованов рассказал о проблемах и достижениях в области использования ядерной энергии, не обходя сложностей и сопоставляя отечественные подходы с западными. Точно обозначив принципиальные расхождения и обосновывая позицию

российской стороны, он показал пути решения самых сложных и принципиальных задач, стоящих перед отраслью в горизонте ближайших 50 лет, и все это внятно, четко, излучая уверенность, базирующуюся на отличном соответствии прогнозов и планов реальным достижениям.

Стало понятно, почему наша атомная энергетика занимает лидирующее место в мире, а страна уверенно смотрит в будущее. Там, где производство, прикладная и академическая наука выстроены в правильно порядке, нам всегда сопутствует успех. Там невозможно пустить страну по ложному «углеродному следу зеленых переделов», блуждающих от одной завиральной идеи к другой. Есть запись трансляции этого доклада, всем рекомендую посмотреть.

Мне казалось зал должен стоя проводить докладчика с трибуны аплодисментами. Но у нас так не принято, как будто такие доклады случаются каждый день. Похлопали конечно, буднично докладчику даже попеняли за превышение регламента. Вот при Несмеянове такого просто не могло бы случиться. Между тем доклад по своему уровню и значимости для всего мирового сообщества вполне мог бы прозвучать и в Стокгольме при вручении Нобелевской премии и уж тем более в Париже на вручении премии им. Д. И. Менделеева.

В черновике у меня была другая концовка к этой статье, но мне кажется лучшего завершения просто придумать нельзя. А. Н. бы гордился вместе с нами такими достижениями отечественных атомщиков, которых очень ценил и которыми восхищался. Жива академическая традиция мыслить глобально, оригинально, фундаментально и результативно, что и было прекрасно продемонстрировано в этом докладе.

Автор, ответственный за переписку

* E-mail: aziz@ispm.ru. Tel: +7(499)135-6107
(А. М. Музафаров)

Список литературы

1. А. Н. Несмеянов, «На качелях XX века», издание второе, дополненное, Изд. центр «Московедение», Москва, 2018.
2. А. Н. Несмеянов, В. М. Беликов «Проблема синтеза пищи», IX Менделеевский съезд по общей и прикладной химии, доклад на пленарном заседании, Наука, Москва, 1965. <https://ineos.ac.ru/files/aspirantura/IX-Mendeleev's-Congress.pdf>
3. В. Б. Толстогузов, «Лаборатория новых форм пищи», в книге: «Институт элементоорганических соединений им. А. Н. Несмеянова», Наука, Москва, 1965, с. 346–351.
4. V. Larionov, *From proteinogenic to non-proteinogenic and artificial alpha-amino acids: past and present*, Международная конференция «Химия элементоорганических соединений и полимеров 2024», сборник тезисов, с. 24.

This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

